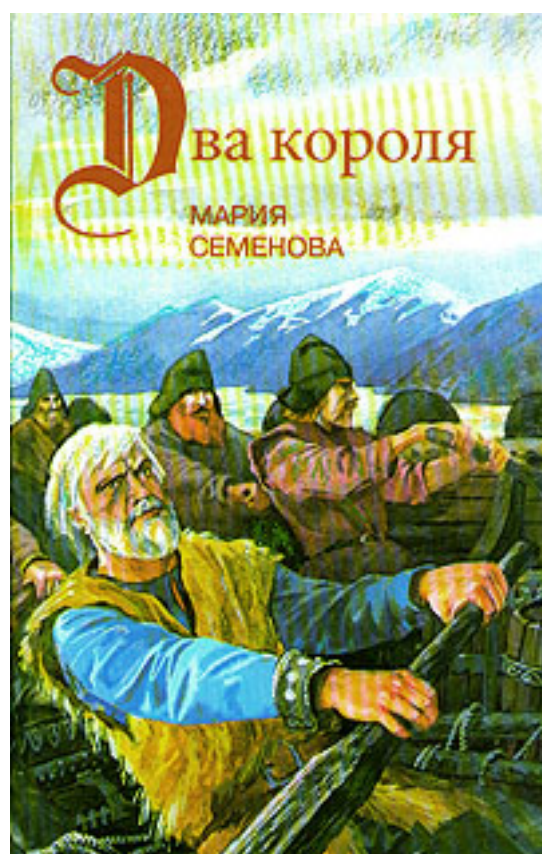




Мария Васильевна Семенова

Пелко и волки

Scan&OCR Ustas, Spellcheck Caeteg
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=154686
Два короля. М. Семенова. Повести, очерк.,: Терра; М.: 1996
ISBN 5-300-00626-2

Аннотация

В очередной том серии включена новая книга Марии Семёновой, рассказы и повести о викингах, а также этнографический очерк, в основу которого легли редкие архивные материалы. Как всегда, у Семёновой историческая точность описаний сочетается с динамичным сюжетом, что делает книгу доступной самому широкому кругу читателей.

Эта книга о чести и благородстве. И не важно, кто ты – бесстрашный и лютый Ратша из дружины ладожского князя Рюрика или плененный в смертном бою корел Пелко, – каждому выпадает своя доля, и только легкого счастья не дают никому скупые боги. Звенят мечи, льется кровь, и такая ярость обжигает сердце, что и во сне, и наяву видит Пелко смерть безжалостного Ратши. Но приходит час и спасает Пелко беспомощного врага, потому что не для вечной злобы пришел на землю человек.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
1	7
2	11
3	14
4	17
5	19
6	21
7	24
ГЛАВА ВТОРАЯ	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Мария Васильевна Семенова

Пелко и волки



ГЛАВА ПЕРВАЯ

Это – не женский плач.

Это – плач бородатого героя...

Корельская руна

Светлая летняя ночь понемногу превращалась в утро. Сперва между деревьями закрутился туман. Густая белая борода напознала с болота, нащупывая дорогу, медленно обтекая шершавые вековые стволы, и дочь тумана, дева Терхенетар, неслышно ступала между деревьями, расчесывая отцовскую седину частым узорчатым гребешком. Холодной влагой веяло от той бороды и еще чем-то древним, прадедовским, знакомым – и одновременно жутким от немыслимой давности, чужим! Потом в лес заглянуло юное солнце, и тайная сумрачная сила ушла из тумана неведомо куда.

Теперь медведь лежал совсем неподвижно, и на обломанном древке рогатины оседали капельки влаги. Как же долго он рвал когтями зеленый мох, силясь добраться до врага, достать его хрипящей оскаленной пастью, могучими лапами!.. Так и не смог. Ярость вместе с жизнью погасла в его маленьких глазках, и опавшие сосновые иглы перестали трепетать возле ноздрей. Разгорится солнечный день, и тяжелые синие мухи слетятся на остывающую тушу, на загустевшую кровь.

Человек сидел под неохватной сосной совсем рядом с медведем, там, куда отбросил его удар, и загнутые когти зверя почти касались мягких сапог. Беловолосая голова человека свешивалась на грудь, кожаная охотничья куртка с правой стороны почернела от крови. Он не шевелился. Не далее чем к вечеру он тоже перестанет дышать, и окажется этот первый в его жизни медведь еще и самым последним. Лесные хозяева лишь сводят вместе охотника и добычу. Кому достанется победа, это уж решается один на один. Избрав соперника не по силам, вини только себя.

...Что же ты, Отсо, яблочко лесное, рассердился так на верного друга! Или перепутал сослепу в сырой ночной темноте, кинулся на угостившего медом, не признал сладко обмазавшего для тебя древесные стволы? Или просто хотел слишком крепко обнять его – и напоролся нечаянно на острую рогатину, укололся о стальной нож?.. Ком красивый, живущий в чаще лесов! Кто же теперь проведет тебя, гостя, из конца в конец по шумной деревне, кто попотчует тебя, лакомку, вкусной рыбой и пивом, кто поднесет берестяную мисочку с медом, кто вслух похвалит твоё целебное сало и драгоценный золотой мех?!

Человек не заметил, как на поляне, не потревожив густых цепких кустов, возник Одноглазый. Осторожная тень заскользила над влажной травой, и туман беззвучно расступался перед нею, плотно смыкаясь позади. Одноглазый неспешно обошел поляну кругом, внимая запахам и следам. Потом приблизился к тем двоим и остановился над ними. Молчаливый зверь немногим уступал поверженному медведю – широкогрудый, высокий в загривке, на крепких и неутомимых ногах. Волк озирает поляну единственным глазом: второго он лишился давным-давно, в страшном лесном пожаре, когда падавшее дерево достало его кривым суком, пытаясь утащить с собой в смерть. С тех пор он носил на голове глубокий шрам, переходивший в подпалину. Впрочем, уши и нос служили ему по-прежнему верно, а для волка это важней...

Ощетинясь, он обошел медведя и убедился, что тот был действительно мертв. Потом подобрался к человеку, еще продолжавшему тихонько дышать: извечный враг в своей беспомощности пробуждал в нем любопытство, но вовсе не страх. Одноглазый внимательно обнюхал его руки, все еще державшие нож, и жесткая шерсть на загривке начала медленно опадать, потому что человек вдруг показался ему не чужим...

...Охотник вздрогнул от прикосновения к щеке, и какое-то время они с волком смотрели друг другу прямо в глаза. На языке зверей это всегда означает угрозу, но человек был слишком слаб, чтобы угрожать, и матерый это знал. Впрочем, охотник не боялся нападения, не боялся и смерти: его уже осенило последнее равнодушие, помогающее встретить неизбежный конец. И это тоже было понятно зверю.

Волк долго смотрел на человека, потом отвернулся и зевнул. Тяжелые клыки лязгнули.

– Здравствуй, Одноглазый... – сказал ему охотник, и зверь насторожил уши. Тихий молодой голос тоже был тот самый, памятный ему. Волк стал ждать, чтобы человек заговорил снова, но тот уже потратил все силы: беловолосая голова вновь поникла, глаза закрылись.

Одноглазый немного помедлил, потом поднялся и еще раз обнюхал его руки. Повернулся – и молча растаял, исчез в лесу...

Когда охотник очнулся вновь, стоял уже день. Тумана не было и в помине, зато на поляне слышались человеческие голоса. Людей было много – все воины, снаряженные на рать: кто с мечом при бедре, кто с боевым топором на длинном топорнице. Ладожане!.. Ни с кем их не спутаешь.

Двое разводили костер, еще двое – судя по их речам, оба меряне – уже перевернули медведя и сноровисто сдирали с него шкуру. Чьи-то руки подняли молодого охотника, перенесли в сторонку, бережно уложили. Возникло бородастое мужское лицо.

– Жив, малый?

На шее воина блестела дорогая золоченая гривна. Он повторил по-корельски:

– Жив, что ли, говорю?

Охотник попробовал ответить ему, но сумел только разлепить губы и застонать.

– Ладно, – проворчал воин. – Терпи уж.

Вынул нож и разрезал кожаную куртку корела. Тот закрыл глаза и услышал, как переговаривались свежавшие медведя.

– Им, ижорам, звериное слово ведомо, – сказал один. – Попросит, так и бирюк ему за помощью поскачет, что пес верный.

– То-то же, – с незлою насмешкой отозвался второй. – А ты еще стрелять его хотел. Хорошо, боярин не позволил...

Первый сказал, помолчав:

– Волк-то волк, а у косилапого, видать, слово свое.

1

Было это в тот год, когда князь Рюрик свалил в бою отбежавшего от Ладоги князя Вадима и кружил белым соколом по широкой словенской земле, походя, с лету разбивая малые отряды, оставшиеся от разгрома несчастливой Вадимовой рати...

На берегах уже появились первые желтые листья, когда погожим солнечным утром княжеские отроки-наворопники выследили, углядели на лесной поляне один такой отряд.

Князь-варяг, поседевший в сражениях и походах, медлить не стал – повел всех своих людей прямо к поляне. Когда же подошли, велел трубить в боевой рог: сильному да храброму незачем нападать исподтишка. Пусть честный враг приготовится к битве, пусть вынет из ножен меч, застегнет на себе броню. Так больше славы его одолеть.

Рог прогудел, и люди на поляне вскочили от едва разложенных костров – даже еду сготовить не привелось. Но к тому времени, когда князь показались из леса, они уже успели выстроиться в круг, угрюмо ошестиниться копьями, заслониться длинными щитами... Должно, опытный и уверенный муж уводил их в леса! Не столь многи числом, а голой рукою не возьмешь: надевай боевую рукавицу, иначе наколешься.

Рюрик, уважая храбрецов, сам подался вперед на боевом коне. Трепетало над ним варяжское знамя – летящий кречет, как живой, простирал белоснежные крыла. Князь внимательно вглядывался: не видать ли кого знакомого из нарочитых ладожан, из старых Вадимовых бояр?.. Все напрасно. Не углядеть под кольчугой вышитой сорочки, не признать под надвинутым шлемом дружеского лица... Стояли молча и грозно, ждали, что скажет.

На шаг вперед всех подались непреклонные словенские удалыцы: эти первыми подняли мечи за обиду своего князя Вадима, не потерпели чужеплеменника рядом с ним на ладожском столе... Этих не сдвинешь ничем, а уворачиваться они непривычны – грудью примут смертный удар и еще призадумаются: упасть или повременить! Всяк из них держал наготове широкое копье и узорчатый меч, какой редко увидишь у простого ратника, оторванного немирьем от пашни или ремесла... А за ними, за крепкими вязовыми щитами, приготовили натянутые луки отчаянные меряне. Вот у кого глаза отточены охотой до светлого блеска, не промахнутся, ловя малую щелочку меж пластинами брони, мелькнувшую открытую шею... Князь бесстрашно выехал к ним без шлема, зная: начнись вдруг стрельба, не пощадят.

Хорошее войско и храброе безмерно, жаль, числом больно невелико. И видно, что спаялось оно понемногу из всех полков, поднятых Вадимом на великую битву. Стояло даже четверо мореходов из Северных Стран, тех, кого беглый князь кликнул-таки на подмогу, не посякаясь на посулы и серебро... Их, воинов прирожденных, ни в каком сражении из виду не потеряешь. Князь Рюрик с молодых лет знал этот народ: уже начнут победители собирать пленных и стаскивать с убитых врагов оружие и порты, а четыре клепаных шлема с наглазниками еще долго будут выситься посреди поля, и вокруг них схватка отбушует не скоро.

...Так никого и не высмотрел зоркий князь и, делать нечего, обратился сразу ко всем:

– Поздорову ли, вой?

Те отозвались нестройно, и он спросил:

– А что, люди, может, миром покончим?

Он чисто говорил по-словенски: речь варяжская словенской близка. А князь, на то он и князь, чтобы всякий слышал, когда говорит. И сперва было тихо, но потом кто-то крикнул с последней удалью презревшего смерть:

– Не знаем тебя!..

Дерзкого не остановили: звать, судьбы не обскачешь. Князь выждал еще немного, потом повернул коня, бросил хмуро:

– Быть сече.

А быть сече – значит, не миновать поединка. Выйдут двое и первые попотчуют друг друга ратным вином, на мечах или так просто, оголившись по пояс и вооружась только силой собственных рук... Кто примет на себя страшную честь и положит требу Перуну, привлекая к своему вождю бранное счастье, или сам ляжет на опечаленную землю и уж не увидит ни поражения, ни победы?

Вот шелохнулись склоненные копы Вадимовых людей, выпустили неробкого малого в кожаной, прошитой железными заклепками броне. Вышел, оглянулся, сказал что-то друзьям, те засмеялись. А не избирается на поединок первый, кто вздумает; такие у любого князя в дружине наперечет, возьмешься ломать – сам смотри не сломайся! Простые гридни что камни, поединщики – твердый кремь... Князь Рюрик повернулся в седле, поискал глазами среди своих и позвал:

– Ратша!

Ратша вышел на княжеский зов с той ленивой неспешностью, которая человека понижающего неизменно пугает больше всего. И то сказать – у храброго парня разом выбелило скулы, когда увидел, на кого напоролся. Ратша, скиталец приبلудный, трех лет еще не провел у Рюрика в дружине и ни с кем вроде особо не ссорился, но славили его – хуже не выдумаешь. Звали в глаза Ратшей Ратшиничем, а за глаза – Ратшей-оборотнем. Кто первый дал ему это прозвание и за что, с собой принес или уже в Ладоге наградили, люди не помнили. Поговаривали, что его мать была некогда отдана для ублажения лютого волка, тревожившего скот. Пусть, рассудили старейшины, зверюшка съедучий отпразднует свадьбу, утешится с красавицей женой и перестанет резать коров! Отведенная в лес и привязанная к дереву, пригожая девка как-то спаслась и потом родила сына: были у того сына зеленоватые неласковые глаза и волосы не темные, не светлые – цвета железа, волчьего цвета!

По-прежнему неспешно вышел он на середину поляны: широкоплечий, перехваченный по тусклой кольчуге серебряным поясом. Без шлема – на что, мол, уж будто без него не управлюсь! Остановился, и длинные пепельные усы шевельнулись в улыбке:

– Смерти ищешь?

А рука с мечом, пока что книзу опущенная, внятно добавила: ну так будет тебе смерть... Парень не дрогнул, не отступил перед ним, только сглотнул. Понимал, верно, что против Ратши не устоит, но срамиться не пожелал. И прошелестел над Вадимовыми людьми тихий, сквозь зубы, сдавленный стон. Жалели старые воины о молодом, жалел каждый, что не сам вышел вперед.

– Ну, бей, – сказал Ратша. – Если смелый такой...

Тот ударил без промедления. Ратша поймал его меч, и усмешка пропала с лица, брови сошлись. Ратша-оборотень спокойно и молча делал дело, в котором ему здесь не было равных. То мастерство, при котором все вершится вроде бы само... Раз за разом он ловил меч парня и со скрежетом отшвыривал прочь. И без большой натуги заставлял соперника униженно пятиться, понемногу поворачивая его лицом против яркого осеннего солнца. И когда тот заморгал, мучительно шурясь, меч Ратши наискось располосовал на нем плотную кожаную броню, разорвал парню горло. Молодой воин захлебнулся кровью и рухнул, не вскрикнув.

Следившие за поединком вздохнули, стали поправлять оружие, переговариваться. Мог бы Ратша не убивать храброго малого, ранил бы да оттащил в полон, вся-то недолга, а честь едва ли не большая... Но уж в этом никто ему не советчик. Сам превозмог, сам и волен: вязать или решить!

Потом князьки подняли мечи и тяжело пошли на тех, других, заслонившихся щитами посреди круглой поляны. Словене против словен, стрелки-меряне против мерян – и любой

точно так же перешибет стрелой волосинку, снимет красную шишку с самой высокой елки в лесу. Другая половина Ладоги, давно уже порешившая: кто лучшая защита городу и Земле, тому ими и владеть!

Могли бы они просто закидать сгрудившихся стрелами, а и немного понадобилось бы стрел! Так сделали бы, застав разбойника на добыче, разбойнику уважения нет. Ныне враг иной, и честь ему иная...

А немногочисленные Вадимовы люди выстроились искусно: подходи первый, кто не боится! Тут-то Ратша-оборотень отличился опять. Разбежавшись, взвился в стремительном прыжке едва не выше голов! Только стрелы знай втыкались во вскинутый щит. Разом на два копыта принять его не успели, одно же, выставленное навстречу, он перерубил на лету. И пал коленями на грудь кому-то из оборонявшихся. Покатился с ним по земле... А следом, по нему, через него, уже врывались побратимы, рубили налево и направо, перенимали победу...

Ладожский князь смотрел на все это из-под стяга, крепкой десницей смирив рывшего землю коня. Не ему, вождю, помогать рубить обреченных. Отражалась в зрачках почерневшая поляна и отряд смельчаков, быстро таявший в неравном бою. Князь глядел сумрачно, не радуясь победе. А чему радоваться? Вот замирить бы их да вернуть в Ладогу, его, Рюрика, руку держать...

Когда все кончилось, князь опять подозвал к себе Ратшу. Тот подъехал веселый, на злом боевом жеребце: рассеченный подбородок в крови, левая рука, попорченная в битве, небрежно замотана... Рюрик сам надел ему на шею плетеную серебряную гривну:

– Все бы так удалы были, как ты! Я теперь дальше пойду, а тебе дело иное: ныне взятых назад в город сведешь...

Зимними глазами глянул на него Ратша.

– За что, княже, срамишь? А не так уж я и ранен, коли ты о ране моей больше меня скорбишь!

Седой князь расправил пальцем усы.

– Не наказание тебе, но честь! Ты, ведаю, с бережением доведешь, у тебя не разбегутся. Да проследишь там, чтобы поступили с ними по уговору. Ступай!

Пленники, десятка полтора израненных бойцов, молча стояли и сидели на вытоптанной, обогрелой траве. Никто из них в бою не просил о пощаде, им подарили ее непрошено, за мужество в награду. Немного попозже всем позволят умыться и перевяжут, потому что отчаянный враг заслуживает заботы. Кто этого не понимает, тому не для чего цеплять к поясу меч, все равно толку не будет. Однако плен есть плен, и они жались друг к другу, еще не остывшие, не отошедшие от боя. Плечами подпирали ослабевших и без жалоб готовились принять свою судьбу.

Ратша подлетел к ним соколом. Кто-то вздрогнул: сейчас выдернет меч да примется рубить, тешась над безоружными. Ратша-оборотень таков, все его знали. Но он осадил белого коня, взметнув его на Дыбы. И поднялся в стремях.

– Есть тут кто именитый? Про тех телега приготовлена. В Ладогу пойдем!

Пленники стали переглядываться, но вперед никто не шагнул. Лишь один молодой парнишка, ясноокий корел, подтолкнул было плечом бородатого мужа, стоявшего в окровавленной словенской рубахе. Тот, безликий от ран, так и качался. Но сыскал силу твердо воспротивиться товарищу, не дал вывести себя вперед. Ратша и не заметил.

– Ладно! – сказал он. – Нету так нету, шагайте пеши!

И вот после полудня они тронулись в неблизкий путь: Ратша на коне, пленники, телега с добычей и пешцы-шестники – для пригляду. Когда скрылись из глаз, Рюрик повернулся к своему воеводе – как и Ратша, молодому летами, но уже с сединою в висках, с пятнами ожогов на шее и лице.

– Что скажешь, Вольгаст? – спросил князь. – Вижу ведь, опять недоволен. За что не любишь Ратшу?

Варяг Вольгаст помолчал, гладя пальцами круглую пряжку ремня. Потом сказал так:

– Жесток он, княже, неумерно. Безжалостен. Да и слушает тебя одного, Ждан Твердитч ему не указ. Вот и боюсь – беды не случилось бы...

2

Частые звезды ровно пылали в холодной небесной черноте: стояла, может, самая последняя ясная ночь перед осенними непогодами. Молодой корел лежал под этими звездами и временами засыпал от усталости, но ненадолго: тут же вздрагивал, вновь открывая глаза, чудилось – зовут... Приподнимался на локте, силился разглядеть впотьмах лицо лежавшего рядом. У израненного воина оба глаза прятались под повязкой и сипело в груди, но губы под усами оставались сомкнутыми: нет, не звал.

Корел привычно сворачивался клубочком на влажной лесной траве и смотрел, моргая белыми ресницами, на далекие звезды. Вот приведет их этот Ратша в свой город Ладогу, и что тогда? Не иначе – убьют, принесут в жертву грозным словенским Богам. Сказывают люди, куда как горазды эти Боги полакомиться жаркой кровью молодых, сильных телом врагов...

Корельскому охотнику меньше других досталось в бою. Надо думать, его первого и подведут к деревянному Перуну, вытесанному из почернелой колоды, и страшный Бог грозы и войны наклонится над ним, заслоняя ясное небо. И станет это последним, что увидят его живые глаза...

А потом его тело будет лежать где-нибудь в серой лесной земле, не покрытое ни крашеной берестою, ни деревянной крышкой, и никто не позаботится крепко связать его, чтобы Калма-смерть не сумела выбраться наружу и не стала разгуливать по лесам и ягодным болотам... и плоть будет отпадать от костей, пока наконец вовсе не смешается с зелеными мхами, не прорастет корнями деревьев и травы... И девчонка, которая могла бы ему улыбнуться, равнодушно пройдет мимо с белым берестяным ковшичком для воды, с плетеной корзинкой для румяной морошки. И его бестелесная душа будет вотще шептать светлоокой, что это он, Пелко, лежит здесь в земле. Ей лишь покажется, что волосы тронул шаловливый лесной ветерок...

Ну как тут хоть раз не шмыгнуть носом от жалости к себе?

– Пелко!.. – внятно позвал лежавший подле него. – Пелко, спишь?

Корел взметнулся из полусна. Потянулся к соседу, осторожно положил руку ему на грудь?

– Звал, боярин? Худо тебе?..

Тот помолчал, тяжело дыша, потом прошептал по-прежнему внятно:

– Ныне помирать стану. Не до Ладоги же тебе меня на закорках тащить.

Пелко так и отшатнулся сперва. Потом припал к товарищу, обнял:

– Я крепкий! Не в тягость мне!..

И говорил, говорил что-то еще, а у самого сердце уже тонуло в черном омуте пустоты, ибо знал: не стал бы тот заговаривать о последнем, если бы не чувствовал – пришел черед. Так-то вот – и не удержишь ни просьбами, ни ласковым уговором, не поможешь никаким словом, кроме ведовского. Да ведь не вышагнет бородатый кудесник из-за ближней сосны, не ударит резным посохом в гулкую земную твердь, отгоняя беду!.. Не сказка сказывается – быль совершается, и не оборвешь ее, страшную, на полуслове, чтобы не пугала, не придумалась сам доброго конца...

Боярин с натугой приподнял руку, пошарил впотьмах.

– Ты, Пелко, на-ка вот, возьми... побереги пока. Доченьке передашь... Всеславушке... с собой мне дала... счастливое, говорила...

Он держал в пальцах тонкое серебряное колечко – как раз на девичий пальчик. Пришлось Пелко проглотить немужские слезы и ответить твердо, по-охотничьи:

– Передам, боярин. Ты отцом мне был.

Тот ловил воздух губами.

– Водимой моей не проговорись, смотри... Не хочу, чтобы знала. Всеславушку несмышленную жаль... кто ж ее теперь-то оборонит...

Думал, наверное, что один корел его слушал. Не видел, как рядом приподнимались тени, – весь полон принимал его смертную волю, И не только они, но и воины-сторожа, кто не спал.

Пелко все-таки не выдержал, захлебнулся слезами, что было мочи сжал кулаки:

– Я обороню!

– Ты, – усмехнулся боярин. Хотел добавить – сам птенец еще, в гнезде тебе, желторотому, сидеть, под крылом... Но сказать не успел: умер.

Утром, задолго до света, Ратшу разбудил его конь. Фыркнул над ухом, топнул копытом, и Ратша миготом оторвал голову от брошенного наземь седла. Не баловал мудрый конь, не проказить к хозяину подошел. А не раз и не два было уже так, что чуял он врага прежде всех сторожей!

Ратша огляделся. Серые сумерки едва рассеивали мрак, костры давно прогорели, однако опытный воин и в потемках понял почти сразу – опасности нет. Ратша поднялся и больше на слух пошел туда, где устроили взятых в бою.

И немедленно угадал, отчего беспокоился конь. Один из пленников, высокорослый, могучий, лежал так неподвижно, как никогда не лежит никто живой. Вытянулся, приник измученным телом к ласковой мягкой земле – и столь крепко уснул, что даже плащ не колебался на широкой груди... Будто орел, которого жестокий охотник озорства ради разлучил с вольными небесами! Свистнула шальная стрела – и оборвался полет, и в ужасе отпрянула осиротевшая высь, и хмелем-травой прорастают гордые крылья, распластанные в пыли!..

Мальчишка-корел молча полосовал лесной серозем длинным охотничьим ножом, готовя могилу. Когда подошел Ратша, он не повернул головы.

Ратша откинул плащ с лица умершего, оглядел спокойные и вроде бы даже насмешливые черты. Насмешливые оттого, что этот воин ни в жизни, ни даже в смерти так и не признал себя побежденным... Ратша нахмурился. Ведал же, что знакомец был перед ним – ладожанин из Вадимовых гридней, – а признать, сколько ни старался, не мог. Мешала отросшая борода, мешали спекшиеся повязки, следы ран и сама смерть, всегда меняющая лицо.

Ну добро! Ладно с ним, с именем, все видели, этот доблестно бился, тяжкий стыд бросить непогребенным такого врага. Ратша протянул руку поправить ему разорванный ворот и тут приметил на шее мертвого драгоценную гривну крученого позолоченного серебра: еще куда лучше той, что князь Рюрик подарил накануне ему самому.

– Вот как! – удивился он вслух. – Да тут муж непростой!.. Что же он на телеге-то ехать не захотел, жив был бы теперь!..

Люди подходили один за другим – и победители, и полон. Лишь корел все так же работал, не глядя по сторонам. Ратша покосился на него и припомнил, что эти двое еще вчера были неразлучны: хоробр-словенин, еле тащивший ноги лесной тропой, и мальчишка, все оберегавший, все подпиривший воина угловатым плечом... Ратша нагнулся и за шиворот выволок корела из ямы.

– Это кто умер ночью? Как величать?

Белобрысый волчонок глянул исподлобья:

– А не скажу тебе!

Ратша не пожалел больной руки, приласкал парня сразу обоими кулаками – в лицо и в живот. Мог бы совсем вытряхнуть душу, но на первый раз пощадил. Пелко свернулся комочком на траве-мураве возле его ног, стал кусать слежавшуюся сосновую хвою, с хрипом размазывать зелень худой мокрой щекой... Он даже не пытался подняться.

Ратша обвел взглядом полон, и всякий видел: начнешь перечить – уляжешься тут же.

– Кого хоронить думали, спрашиваю?

Никто не опустил перед ним глаз и не ответил. А ведь не могли не то, что постоять за себя – даже убежать.

А пропади они все! Ратша с трудом усмирил в себе подымавшуюся ярость и пошел к своему костру, неся покалеченную руку в здоровой: растревоженная рана возгорелась огнем. А не корел ли это изловчился полоснуть его в бою?..

3

Когда они пришли в Ладогу, с низкого неба сеялся дождик, совсем осенний, мелкий, печальный. Однако чьи-то глаза издали высмотрели шагавших опушкою леса, и весть быстрее птицы полетела со двора во двор: идут! Идут!.. Ибо многие, кто держал руку князя Вадима, кто ушел с ним к Ильменю богатства-счастья искать, оставили в Ладоге семьи. Вот и спешили навстречу женщины, загодя утирали слезы, приглядывались на бегу – не видно ли среди полоненных любимого жениха, брата, отца? Иным везло. Двое мужчин уже гладили по плечам плачущих жен, и заросшие лица кривились в неловких усмешках. Шестники с копьями им не мешали. Сами все ладожане и с теми, кого привели, жили порою забор в забор. Случалась рать – и ратились честно. А после-то что кулаками махать?..

Пелко, в стольной Ладоге никогда не бывавшему, все хотелось испуганно съежиться, спрятаться за спинами словенских друзей. Удерживался с трудом. Это сколько же здесь было дворов, и каждый – что широкая поляна в лесу! Сколько добротных, красиво и по-разному отделанных домов! А народу, народу-то!.. Больше, чем весь род Шуки, даже больше, чем три таких рода, соберись они все вместе ради великой охоты. Мелькали перед глазами незнакомые лица – голова кружилась, звон поднимался в ушах!

Была в Ладоге и линнауори – крепость против врагов, как же без нее. Она высилась вдали, над зелеными травянистыми крышами, и оттуда уже шагали навстречу нарядные оружные люди, готовились честь честью принимать Ратшу и его молодцов.

Под ребрами время от времени прихватывало так, что только держись, однако о дубовом Перуне Пелко старался больше не помышлять; а восходило на ум незваное – зло гнал прочь и стыдился собственной трусости. Пусть их удавят, пусть зарубят топором, которым, как он слышал от словен, сам Перун побеждал небесного Змея!.. Что от оружия умирать, что у зверя в когтях, не едино ли? Не пожалеет боярин, что он, Пелко, в названных сыновьях у него ходил.

Пешцы-шестники, те, что стерегли их в дороге, тоже кланялись родительским дворам, подхватывая на руки детей. Кажется, одного Ратшу не встречала родня, но вот и он высмотрел кого-то там, впереди, – и выпрямился, красуясь на резвом коне, развернул плечи, упер руку в бедро: на загляденье хорош! А чуть погода нагнулся и поднял, взметнул к себе на седло девчушку-подросточка лета на два помоложе самого Пелко. Корел так и подобрался: ждал крика, испуганных слез... но она не забоялась улыбавшегося Ратши и не стала сердиться, когда он взял ее за пояс, притянул близко к себе. Мало того – даже руку положила доверчиво ему на плечо... И лишь глаза, серые, тревожные, продолжали обшаривать полон, ища кого-то и не находя. На краткий миг Пелко нечаянно перехватил этот взгляд, и вдруг ужалило стыдом за оборванную рубаху, за голое грязное тело, видимое в прорехи! Даже сам удивился: да кто еще такова, чтобы краснеть перед нею, с чего бы?.. Ратша что-то говорил девчонке, наклоняясь, касаясь усами ее щеки... Ласково говорил. Потом накинул на нее свой широкий кожаный плащ, укрывая от дождя.

Пелко отвернулся от них, посмотрел вперед и с тяжелой дурнотной тоской подумал о том, что капище и деревянный Перун помещались, должно быть, в этой крепости, поближе к хранимой ими дружине... И что усы у Перуна, наверное, вправду были золотые, а лицо – как у Ратши... И вновь темным словом сам себя выбранил за трусость!

Вот съехались с вышедшими из крепости, и Ратша поднял руку над головой:

– Здрав будь, Ждан Твердятич!

Воевода Ждан, которому князь Рюрик оставил город и половину дружины с наказом слушаться, как себя самого, всего более походил на поседелого, украшенного шрамами зубра. Не было в нем той стальной гибкости, что отличала Ратшу. На версту веяло от вое-

воды неподъемной, несокрушимой, медлительной мощью! Как дубовая палица рядом с острым мечом. Стоял воевода – ни дать ни взять лобастый обомшелый валун, и голова в сивой гриве и такой же бороде росла прямо из плеч: мало не одинаков был Ждан Твердятич что в рост, что в ширину! Только маленькие голубые глаза поблескивали из-под бровей, как из-под еловых лап, дружелюбно и вовсе не грозно.

Родился этот воин, как сказывали, в словенской земле, но долго жил у варягов, женился на бодричанке и даже позднего единственного сына назвал варяжским именем – Святобор.

Ратше слезть бы перед ним с коня да поклониться старшему поясным поклоном!.. Но не слез, и воевода не осерчал – чего только не простишь за удалство такому молодцу.

– И ты здравствуй, Ратша! – прогудел он приветливо. – Ну, показывай, кого привел!

– Да простых ратников все, – отозвался Ратша. – Был один муж нарочитый, да от ран умер в дороге. – И добавил: – Князь велел, чтобы по уговору с ними.

Пленников выстроили перед воеводой, и Пелко принялся разглядывать Ждана Твердятича с тем жадным вниманием, с каким приносимый в жертву разглядывает жертвенный нож. А и то, чем не Перун! Такой как размахнется – у любого змеища все головы прочь... Вот только усы не золотые, а седые почти совсем. Сам рубить примется или кликнет кого?

Пелко больно прикусил губу, мотнул головой: боярина, девка сопливая, попомни! Умирал, и то о себе не плакался, а уж ты-то заранее горазд...

Воевода оглядел взятых в бою и заложил пальцы за пояс.

– Слыхали, люди Вадимовы? Рюрик-князь миловать вас велел, по домам сказал отпустить. Да чтобы мне воды в реке впредь не мутили!

Кто-то из молодых пленников ответил со спокойной дерзостью:

– А что ее, реку, мутить, и так – Мутная.

Воевода нахмурился было, но потом упер кулаки в бока и захохотал от души.

Тут площадь-торг перед крепостью стала быстро пустеть: родичи потащили вызволенных по домам – отмывать, перевязывать раны, отпаивать парным молочком... Пока не передумал воевода-то да не приказал в поруб засадить до возвращения князя! Разобрали всех, даже раненого датчанина увели с собой какие-то люди, похожие на него и одежками, и речью. Трое или четверо звали с собой Пелко, но он не пошел, начиная прикидывать про себя, где тут между дворами ближе до леса: лес корелу – дом теплый и друг верный, он утешит, он накормит, он вылечит! Даст отсидеться, пока выпадет случай наказ боярина по чести исполнить, а там и в сельцо родное, к матери, за руку отведет...

Но только шагнул – чавкнула под копытом раскисшая глинистая земля и конский бок мокрой белой шерсти заслонил лесные вершины:

– Эй, корел!

Пелко посмотрел на Ратшу-оборотня и ничего не ответил – да что тут отвечать! Лишь помимо воли начал убирать голову в плечи, а рука сама собой потянулась к ножу. Девчушка больше не сидела перед Ратшей на коне, ссадил, наверное, пока разговаривал с воеводой: не девичья забота слушать воинские разговоры... Она, поди, и убежала домой-то, что ей, славной, делать у Ратши на седле?!..

Отколе ни возьмись, подошел к ним русобородый корел-людик, посмотрел на Пелко, пожалел.

– Слышишь, Ратша, – сказал он, впрочем, не слишком уверенно. – Парнишка этот мне не чужой вроде...

Ратша только показал в усмешке белые зубы.

– А клятвой поклянешься?

Корел пробормотал что-то и отошел.

– Он и мне не чужой, – сказал ему Ратша. – Кровь пролил, послужит пускай! – И повернулся к Пелко: – Со мной пойдешь. Коня моего чистить станешь.

Тут Пелко подумал о том, что сотворил бы боярин, случись вдруг этому Ратше начать вот так над ним издеваться. Ведь напал бы на ненавистного либо сам себе всадил в сердце верный нож, чтобы хоть он избавил от срама!

– Не буду я коня тебе чистить! – заорал Пелко Ратше в глаза. – Твой конь, сам за ним и выноси!.. А я тебе не холоп!

Он увидел только, как тот выпростал из стремени ногу в мягком кожаном сапоге... Мог Пелко перехватить рысий прыжок, но против Ратши мало толку было в охотничьей сноровке. Показалось, будто, разбежавшись на лыжах, со всего лету грянулся в сухую лесину лицом! И кувырком полетел в жаркую темноту... Ратша еще пустил на него жеребца, чтобы раз и навсегда вышибить из дерзкого все непокорство. Но злой конь не пожелал топтать распластанного Пелко – фыркнул, переступил бережно, не прикоснувшись копытом...

4

Двое молодых рабов тщательно отряхнули красноватые гранитные жернова и поставили на гладкий стол белый берестяной короб.

– Принимай, хозяйюшка ласковая, да смотри, пирожком попотчевать не забудь...

Оба были крепкие, плечистые, и от трудной работы даже не взмокли, только раскраснелись. Обоих хозяин-боярин когда-то купил здесь же, на шумном ладожском торгу, пожалев заморенных тощих мальцов. Привел домой, приодел, за стол посадил кашу есть подле себя... И вырастил румяных, смешливых нравом парней – двору подпора, а понадобится, и защита. Особенно же нынче, когда сам надежа-хозяин далеко и надолго отлучился из дому для ратного дела, да и задержался что-то, запропал, будто перелетная птица, жестокой бурей унесенная с верного пути.

Ждала мужа боярыня, ждала Всеславушка – дочка любимая. Ждали – вот-вот вернется кормилец с остатками замиренного Вадимова войска, с полоном, который – все это видели – князь Рюрик велел безо всякого выкупа отпускать по домам... Лучше прежнего зажили бы!

Но все медлил, все не торопился в Ладогу боярин, и Всеслава с матерью теряли сон и покой. Боялись отлучиться со двора, на всякий шорох бросались к дверям – вот уже сходит с коня, сейчас стукнет в ворота...

Однако нынче в этом доме день был совсем особенный – нынче здесь пекли коровай.

Так уж оно повелось с незапамятно старых времен, с тех еще, когда небо и солнце разговаривали на человеческом языке: при всяком большом начинании класть требу Богам. Да и как не поклониться Перуну, животворящему поле теплыми грозами, а с ним Яриле, дарующему всхожесть семенам и потомство всем тварям живущим! Как не дать сыра и ухи Огню Сварожичу, хлеб пекущему, дом согревающему, зверя лесного прочь отгоняющему!

Если же дело затевается непростое и желают люди вернее привлечь к тому делу милость Богов, – выбирают бурушку в стаде и режут ее под святым деревом, а потом едят всем родом на жертвенном пиру. А череп с рогами вешают на ограду святилища – в напоминание Даждьбогу с Макошью и еще затем, чтобы бежала этого места всякая скотья болезнь...

Доблестны и грозны небесные князья – словенские Боги. Но тем-то славен справный князь, что никогда не станет до черного волоса обирать живущего у него под рукой, не отнимет последнего припаса. Не враги ведь – своя кровь, та самая, которую при злой нужде кликнет князь с собою в бранный поход, та, что вместе с ним заслонит землю от врага!

Потому-то и не сердятся Боги, когда люди подносят им вместо рогатой коровы рогатый хлеб-коровушку – коровай. А что! Какая жертва Богам радостней, в какой крепче священная сила – это как еще поглядеть. Скинь с лавки одеяльце соболье – и ничего, спать можно, хотя пожестче покажется. А выдерни бревно из стены – и весь дом на стороны раскатится! Без мяса поясок туже затянешь и как-нибудь перебеешься, а без хлебушка, пожалуй, быстренько ноги-то протянешь.

Боги – оком не скорбные, все им ведомо, все различают – от сердца положено или от жира-достатка, грех загладить...

Так-то вот.

Нет большего дела, чем рождение человека, смерть или свадьба...

Мягкое тесто нежилось на чистом столе, принимало в себя молоко и муку, добрело, становилось совсем живьем. Скоро его закутают и уберут в тепло – подходить, распухать, изнемогать в ожидании печного жара.

Лепить коровай по обычаю помогали две женщины-соседки, у которых еще живы были старики родители, а первые дети удались мальчишками. Такие помощницы – молодой на

счастье. Трудилась у стола и сама Всеслава, месила, прихлопывала, ловкими пальцами пускала по макушке коровая сплетенные веточки и цветы. И улыбалась задумчивой улыбкой, ибо не идет на ум ничто худое и скверное, когда живет под руками, обретает дыхание будущий хлеб...

Мать, страдая, наблюдала за ней из угла.

– Ждет печь коровая, ждет невеста жениха, – проговаривали помощницы, и боярыня прижимала ко рту кулачок. Протопленная каменка дышала жаром; коровай подняли в шесть уверенных рук, трижды передали под ним друг другу кружку пенистой браги, по очереди отхлебывая маленькие глотки. Утвердили, накрыли, обложили горячим угольем... Славный поднимется хлебушек, выйдет пышный да румяный, с крепкими рожками и мягким легким нутром, а уж духу – из избы во двор, а со двора на всю широкую улицу!

Отведав угощения, соседки поблагодарили и ушли, и тут-то боярыня обняла дочь, заплакала в голос:

– Отец твой вернется, как перед ним встану? Не уберегла, скажет, утушки малой, отдала белую лебедь ворону несытому, коршуну кривоклювому...

От каменки уже явственно веяло печеным, и добрый запах впервые говорил боярыне о неотвратимом и страшном, вплотную надвинувшемся на дом... У Всеславы тоже дрогнули губы, всхлипнула, прижалась, стала гладить мать по плечу:

– Ратша добрый ко мне... он любить меня станет... и отца!

Кого уговаривала – непонятно: не то мать, не то себя саму. А что еще станешь тут делать, если сватается первый Рюриков гридень; а сватом, того гляди, нагрянет сам Ждан-воевода, а домостройничают-то – боярыня хворая да дочка молоденькая, а вся храбрая оборона – двое рабов!..

– Добрый, добрый! – причитала мать. – Добрый, пока в женихах, а наскучишь – и выгонит, как Красу!..

Всеслава отчаянно мотала русой головой, туга коса змеей металась туда-сюда по узенькой девичьей спине.

– Не выгонит, я женой ему буду! Красу он вокруг печи не водил!..

Вот так жалели и уговаривали одна другую, а что толку: таков жених едет, что никаких отказов и слушать не станет. А заупрямишься – умыкнет, увозом увезет девку, еще и пожалеешь, что не породнился добром!

В конце концов боярыня уняла больное сердце – сама причесала Всеславу, принялась наряжать и охорашивать ее к приезду гостей, да еще заговаривала старыми заговорами, которыми от века оберегают невест:

– Как свеча яркая горит-светит ясно да красно, так и у тебя бы вся кровь в щечках таяла да ясно горела! И при черном, и при белом, и при женатом, и при холостом!..

Добыла из тайного сундука и опоясала дочь по голому телу нитками самой первой пряжи, что еще непослушными детскими пальчиками напряла когда-то Всеслава: от недоброго сглазу храни, рукоделие, рукодельницу-невесту!

И тут же снова заплакала, будто своими руками собирала дочь не замуж, а медведю в пасть или в злую неволю за тридцать земель.

Когда сняли с жара коровай и выложили на стол отдыхать-остывать под вышитыми полотенцами, оказался он на диво высоким и сверху донизу в таком ровном, ярком, жарком румянце, будто и вправду сам дед Дажьбог благословил его своим огнем на честное веселие всем добрым людям и на радость.

5

Пелко так и прижился пока в крепости-детинце, в конюшне, там, где в самый первый день оставил его, избитого, немилостивый Ратша. Он тогда еще пришел в себя оттого, что белый конь Вихорь жалеючи обнюхивал его, лежавшего на утопанном земляном полу, дышал теплом в расквашенное лицо... Пелко приподнял непослушную занемелую руку – отдал телом, покуда лежал, – погладил нежные шелковые ноздри... Сильный злой жеребец насторожил уши, но головы не отдернул, не укусил. И от этой-то нежданной доброты коня Пелко будто сломался: так стало жаль себя, несчастный листочек, сорванный с родной ветки, унесенный бурями, упавший наконец неведомо куда – и больно же падалось, холодно лежалось ему теперь!.. Съежился у Вихоря под ногами, закусил палец в зубах и неслышно заплакал... срам вспомнить – а что ты думаешь, ведь полегчало. На другое утро в благодарность за ласку поднес Вихорю хлеб, которым угостила его старуха чернавка. Красавец конь подношением не побрезговал, с достоинством взял горбушку из протянутой ладони, даже позволил Пелко поскрести щеткой белые бока, почистить копыта. Корел, привычный к охоте и зверью, не пугал норовистого резкими движениями, говорил с ним, умницей, ровно и тихо... Поглядели бы прежние друзья-меряне – решили бы, что он, Пелко, не одно волчье слово знал, но и лошадиное тоже. Да где они теперь, молодые удалцы! Так и легли бок о бок на той кровавой поляне, опустели их берестяные колчаны, преломились в руках меткие луки...

Небогатые хоромы – конюшня, но лесной парень радовался уже тому, что оказался под крышей. Облюбовал себе местечко в углу, притащил туда охапку колкой соломы – чем не жилье! Небожь не под дождем и не в снегу, по-куропатичьи на морозе! Одного жаль, далеко остался тот веселый щенок, остроухий и звонкий охотничий добытчик-пес... Славно было бы обнять его холодной ночью, услышать стук преданного сердечка, зарыться носом в жаркий густой мех!

Первое время он сидел в конюшне, как в логове, не решаясь высунуться даже во двор. Ладога страшила его многолюдней, разноязыким оглушительным гомоном: шагнешь через порог и пропадешь ведь, как в водовороте, погибнешь, не сыскав дороги назад! То ли дело в лесу, где струятся с елок серебряные нити лунного света, где каждое дерево радо указать полночь и полдень, а звериная тропа непременно выведет к ручью...

Но, в конце концов, он преодолел этот страх. Давно привычен был справляться с пакостной боязнью, приходилось ведь кидаться за зверем на лыжах с обрывистой крутизны, а то, еще страшнее, нырять в стремнину под поваленные деревья! Сказал себе твердо, по-мужски: не вековать тут, подле коней, дело надобно помнить! Пора уже найти боярскую дочь, вернуть заветное колечко – да бежать без оглядки обратно в свой род, на Невское Устье!

Однажды вечером он тихонечко прокрался за дверь и долго озибался, запоминая, как стояла конюшня в просторном крепостном дворе. Мало ли – вдруг объявится Ратша, шагнет неожиданно из-за угла, тут успеть бы юркнуть в знакомую щелку, не угодив ему на глаза!

Но людей во дворе оказалось немного, и это придало Пелко безрассудства. Боком, боком миновал он отроков, сгучавших со своими копьями в распахнутых настежь воротах. Те только покосились лениво – и ничего, даже спрашивать не стали, куда, мол, еще пошел...

Думал он первым долгом поискать соплеменников-корелов и вызнать у них что-нибудь о Всеславе, дочке боярской, но где там! Столь много народу немедленно замелькало перед глазами, засновало взад и вперед – муравьиная куча, разворошенная лакомкой Отсо... Посмотрел Пелко и понял, что прошел тогда с полоном по городу, города не увидав.

Деревянная линнавуори высилась над Ладогой, как соколиное гнездо над населенным птицами болотом: приглядывала, охраняла от залетных клювов да когтей. Ясно виден был речной берег-торжище и корабли, вытасщенные на сушу. Корабли показались Пелко бесчисленными, и немудрено: в роду Щуки меньше было кожаных охотничьих лодок, чем здесь – добрых морских судов!.. Пестрели вблизи них раскинутые палатки, вились дымки над заросшими крышами громадных гостиных домов: их выстроили себе торговые ватаги, ходившие сюда из года в год.

В самой Ладоге дома были поменьше. Знать, не больно хотели здесь жить дружным родственным очагом, рубили свою избу всякой новой семье. Тянуло оттуда, снизу, уютным дровяным дымком, доносились, заглушая все прочие, дразнящие запахи еды. В одном доме – Пелко мог бы уверенно сказать, в каком именно, – пекли хлеб, в другом варили кашу, в третьем только что сунули в кипящий горшок пеструю невскую таймень... И под каждой крышей стряпали свое, не торопились делиться с соседями, не складывали принесенного в один общий котел! Рассказать бы дома, да кто же в этакое-то поверит!

Долго присматривался Пелко, желая найти среди сотни хоть один знакомый корельский дом... Не удалось. Ну так что же, сказал он себе. Не все враз. Когда это добыча сама прыгала в руки, всегда прежде вымокнешь и высохнешь, распутывая следы, а потом еще намерзнешься, лежа в густых кустах с луком в руке, со стрелой, брошенной на тетиву!

Он внимательно, до ряби в глазах, оглядывал просторные, привольно раскинувшиеся ладожские дворы. И видел, что лишь немногие избы темнели обветренными столетними стенами. Большинство казалось выстроенными совсем недавно, будто после великого и опустошительного пожара... Тут и припомнил Пелко рассказы боярина о храбрых, жадных находниках из Северных Стран, что дерзко грабили когда околорадье, когда сам град – даже садились в нем володеть, собирали мыто с купцов и дань с ближних племен! И как сражался с ними отчаянный князь Вадим, бил жестокого врага и сам бывал бит, как всякое лето горела бедная Ладога – жгли ее то те, то другие, выкуривая обороняющихся из-под крыш, словно барсуков из норы... И как наконец послали гонцов в Старград, к давним побратимам-варягам, испрашивая подмоги: слети, мол, сокол морской, оборони от напасти... Эх, боярин!

Пелко все-таки не сыскал в себе духу спуститься со взгорка, решил лучше обойти детинец кругом, рассудив, что для первого раза этого достанет. Сказано – сделано; и вот там-то, с северной стороны, открылись ему уменьшенные расстоянием холмики на высоком, обрывистом речном берегу. Одни, давние, покрывала пушистая зелень, другие сиротливо бугрились комьями обнаженной земли... Зоркий глаз корела отличил и красные от ягод рябинки, обозначающиеся кое-где над круглыми травяными горбами. Калмисто, – смекнул догадливый Пелко. Кладбище! Там, под серой землей, смотрят вещие сны погрузившиеся в смерть. Там, как он слышал, положили в курган и хороброго князя Вадима.

Рябина всегда растет на местах, свято чтимых людьми; должно, было неподалеку и капище со множеством деревянных словенских Богов, а в нем, за оградой, на голову превосходя остальных, возвышался могучий Перун, которому его, пленника, так и не подарили... Пелко пообещал себе непременно добраться туда и посмотреть на Бога, проверить: вправду ли он столь грозен на вид, этот золотоусый покровитель ратных людей!

6

Не тучи черные на золотые небеса надвигаются – наезжают гости незванные...

Поздно вечером под боярскую кровлю собралась молодежь: любимые подружки и неженатые друзья – заступа невестиному дому от сватов. Иные из парней пришли в Ладогу с полоном и все еще выделялись кто рукой на перевязи, кто свежим шрамом на лбу. Глаза у них были злые. Эти, дай волю, впрямь не пустят Ратшу-оборотня на порог!

А девушки немедленно окружили Всеславу и принялись придирчиво проверять, так ли хороша, так ли убрана, так ли приодета. Известно же: хоть подышать возле невесты, хоть в бане с ней вымыться – глядь-поглядь, и себе накличешь сватов. Не того ли каждая хочет!

Но только зря подружки пытались Всеславу растормошить, зря принимались попеременно славить Ратшу и поносить, а то прямо спрашивать, люб ли жених и нет ли в тайной мысли кого-нибудь иного. Всеслава им не отвечала, сидела совсем неживая, лишь голова под расшитым очельем опускалась все ниже... Знала ведь она Ратшу, знала отца, и была без вины перед обоими виновата, и поделать ничего не могла. А ну как сойдутся эти двое, самые любимые, из-за нее, девки глупой, да не на живот-богатство, – на смерть?!..

– Едут! Едут!.. – закричали со двора.

Подхватила Всеслава, кинулась в угол, прижалась к матери и так за нее ухватилась – никто не оторвет!..

Первым на тяжелом гривастом коне проехал ворота воевода Ждан Твердятич. Никто не посмел преградить ему путь, ни у кого рот не открылся спросить выкуп за впускание во двор: вот уж знал Рюрик-князь, кого оставлять в городе вместо себя!.. Впрочем, молодежь вокруг боярского дома подобралась тоже вовсе не робкая. Впустили с воеводой еще двоих сватов, а перед Ратшей ворота захлопнули с треском, да так, что захрипел и удивленно попятился белый конь.

Ратша только улыбнулся и, подбоченьясь, остался спокойно сидеть. Ничего, на то он и жених. Да не век здесь торчать, скоро быть во дворе и ему.

А Ждан Твердятич с двоими товарищами, как пристало вежливым гостям, спешили у самых ворот. Проворные молодые ребята тут же подскочили присмотреть за конями: напоят, накормят и хвосты заплетут, вот только расседлывать, пока не свершится стговор, остерегутся.

Воевода поправил на себе пояс с неразлучным мечом, погладил честную бороду, раскинул по плечам дорогой фряжский плащ и пошел прямо к избе. Войдет такой в повалушу – и тесовый пол под ним жалобно захрустит!.. Ступил на крылечко и сказал, протянув руку к двери:

– Ты встань, моя нога, твердо и крепко, а ты, мое слово, будь твердо да метко! Тверже камня будь и липче клею, легче сосновой смолы, острее ножа, остро отточенного, – что задумаю, по-моему исполнись!

Отворил дверь и вошел без помехи.

Мать-боярыня и Всеслава как ни в чем не бывало сидели за пряжей – будто бы знать не знали и ведать не ведали, что за гости такие перешагивали порог. Только одеты были нарядней обычного, да у обеих от волнения лица разгорелись ярким румянцем.

– Здрав будь, Ждан Твердятич, – поклонилась боярыня. – Пожалуй, батюшка, за дубовый стол, хлеба-соли с нами отведай...

Воевода малое время помедлил в дверях, строго глядя сверху – на матицу, – потом степенно прошел вдоль половицы. Встал у каменки, принялся по обычаю всех сватов греть ладони, склоняя к себе в пособники и домового, и саму государыню-печь.

– Як вам не пиры пировать и не столы столовать, а с добрым делом, со сватаньем! У вас, как я слышал, будто бы дорогой товар объявился, так вот у меня на тот товар есть славный купец...

Мало-помалу Ратше прискучило ждать. Спрыгнул с седла, вытащил гремучую плетъ и трижды гулко стукнул рукоятью в ворота:

– Эй, отворили бы подобру!

– А не отворим, – долетело со двора.

Ратша поскреб ногтем усы и пообещал весело:

– Высажу ведь.

И вправду посадил бы, снял бы створки с узорчатых петель – от такого доской не заслонишься. Шутить с ним шути, но только до поры, тут мера нужна!

– А что дашь, если откроем? – спросили из-за ворот.

– Пирогов дам, – посулил Ратша без скупости. – А девкам – бусы каждой да по частому гребешку!

Ворота заскрипели и отворились опасливо: не диво, если бы Ратша-оборотень вомчался во двор на коне и пошел угощать плеткою вместо пирогов! Но Ратша не обманул. Гридни, приехавшие сватать товарища, вправду несли за ним корзину, вкусно пахнущую перепечей, – девки-лакомки налетели. Бусы и костяные гребешки Ратша раздавал им сам: бусы были зеленые, дорогие, из тех, что продавали на торгу заезжие гости. Да и гребешки оказались один к одному, все резные, чистой белой кости, красивые. Ратше что! Его длинный меч кормит на княжеской службе, и кормит неплохо. Не обеднеет, поди. А обеднеет, так быстро нового добра себе наживет – от первой же дани, от бранной добычи.

Расхватав подарки и угощение, парни с девушками разбежались для нового дела. Вступить-то во двор Ратша вступил, а надо еще и пройти по двору, в избу попасть. А кто это сказал, будто его так просто здесь пустят!

Растворилась дверь дома, вынесли в горшке жаркие угли, стали метать Ратше под ноги. Отважен ли жених, решится ли переступить через святой огонь? Допустит его до себя домашний очаг или остановит, погонит пришлого за забор?..

Всех злее старались недавние пленники. Норовили осыпать сапоги, прожгли плащ. Ратша не уворачивался, не отшатывался ни вправо, ни влево. Щелчками сбивал кусачие угли с одежды и шел себе не торопясь прямо к крыльцу. В бою не шарахался ни от меча, ни от визгливой стрелы, этим ли его напугают!

У самого порога горсть жара полетела ему прямо в лицо. Опытный воин мгновенно заслонился рукой и тут же, прыгнув вперед, поймал за локти саму боярыню-мать. Ишь ведь – не утерпела сердешная, покинула в избе гостей, сама выскочила оборонять дочь.

Полнотелая женщина трепыхнулась курочкой: Ратша и не думал сердиться, но руки были железные. Молодежь отступила в замешательстве. Не боярыню же угольями укроплять!

– Неласково, матушка, встречаешь!.. – засмеялся Ратша. Наклонился и расцеловал обмершую хозяйку в мягкие щеки. – Ну, сватов моих помелом не погнала, так и меня уж в дом приглашай...

Бедная боярыня как-то разом обмякла, ослабла и сама распахнула перед ним дверь. Видно, и вправду не уплыть от судьбы по чистой реке, не ускакать на быстроногом коне, не запереться коваными замками. Хочешь не хочешь, а пришло лихо – отворяй ворота!

...В избе воевода Ждан Твердытич поставил Ратшу у печи и немедленно принялся откупаться пряниками от непослушных девчонок, облепивших невесту и всю грозившихся тут же отмахнуть ей ножиками драгоценную девичью косу.

– Пряники ешьте да прочь кышьте! – незло и в треть силы, но так, что зазвенели по полкам горшки, рявкнул на них воевода. – Не так уж вы, мелкота, на еду ей да на наряды истратились, чтобы я еще от вас откупался!

...А сам все оглядывался на Ратшу, нарадоваться не мог: ни дать ни взять – собственного сына женил. Гридень славный воеводе не сын ли! Ими, гриднями, что отец сыновьями, крепок воевода, крепок сам князь. Как не уважить такого, как не присватать понравившуюся девчонку! Пусть себе женится да родит столько славных сынков, сколько черепков в битом на свадьбе горшке!..

Вот сваты отогнали подружек, подняли невесту с лавки.

– Испытаем-ка, не слепую ли хозяйку Ратша берет! Сор-то разглядит на полу?

Расстегнули кожаные поясные карманы, стали кидать на пол вправду сперва сор, а после и серебряные монеты. Всеслава металась туда-сюда, собирала все это веником, проказливые сваты тот веник со смехом и прибаутками у нее отбирали, перебрасывали друг другу. Всеслава пыталась отшучиваться, потом слезы выступили на глазах. Ратша разглядел, прикрикнул:

– Испытывать испытывайте, а обижать не велю!

Всеслава быстренько кончила мести, подняла голову, улыбнулась ему робко и благодарно.

– А жениха-то посмотреть!.. – осмелев, подала голос боярыня. – Вот поглядим еще, довольно ли хорош!..

Ратша поклонился боярыне и подал ей большой расшитый платок. Потом подошел к Всеславе и вложил ей в руки красивую бисерную кикю – замужний убор. Раскрыл сумку, достал серебряные височные колечки с круглыми завитками, сам приложил ей к очелью. Такие только-только появились еще у ладожских наряжек: и откуда прознал?.. Всеслава глядела на него снизу вверх, часто моргала, заливалась румянцем. Ратша не удержался, обнял ее, легко поднял над полом, крепко поцеловал прямо в губы. Боярыня вскинулась было – ужо тебе, бесстыжему, при людях, при огне печном, да до сговора-то!.. – но он выпустил съезжившуюся Всеславу и повернулся к ближним подругам. Выволок из-за пазухи длинную разомкнутую гривну и принялся, хвалясь молодечеством, голыми пальцами рвать ее на куски. Гривна скрипела и казалась в его руках восковой. Подружки примолкали одна за одной, тихонько брали блестящее, в бою добытое серебро: кусочки были горячими. Воевода, довольный и гордый, то гладил сивую бороду, то ерошил ее пятерней. Таким бы вырастить Святобора!

– А ну! – приказал он погоды. – Неси каравай!

Гридни засуетились, выскочили вон. Вдвоем, на прикрытом блюде, внесли жениховское подношение Богам, славным Рожаницам и повелителю Роду. Тут же выставили невестину требу, и два коровая легли на стол бок к боку, ласково трогаясь загнутыми рожками. Хлеб с хлебом не ссорится. Разрежут их и перемешают куски в знак того, что быть отныне одному столу вместо двух разных, быть двум семьям крохами из одной печи.

У боярыни рука с ножом задрожала... Воевода Ждан ее отстранил. Сам переломил хрусткие корочки, сам дал по крайчику невесте и жениху. Всеслава вдруг заплакала, еле прожевала горбушку. А потом вовсе вскочила и убежала из-за стола, и Ратша беспокойно вытянул шею – куда еще, не убежит ли совсем? Бывало, сказывали ему, и такое.

Но Всеслава вскоре вернулась, подошла к жениху... и с поклоном подала ему рубашку – добрую, льняную, всю расшитую по рукавам и груди!.. Боярыня так и ахнула. Она, мать родившая, и то ведать не ведала, что дочь сшила эту рубашку Ратше в подарок, рубашку, которую никогда не дарят постылому, которая обо всем рассказывает яснее всякого слова!

7

Минуло несколько дней, и однажды погожим вечером Всеслава отправилась на девичьи посиделки – для нее, просватанной, быть может, самые последние в жизни. Будет, конечно, еще девичник, на котором она попрощается с вольной волюшкой и подарит любимой подруженьке вышитое очелье... Да и после свадьбы отчего не сходить в женский дом, не посидеть вместе со всеми за рукоделием и песней! Так-то оно так, но только прежним, девчоночьим, развеселым, с шутками-прибаутками и полночными гаданиями о женихах, – таким более не бывать. Ведь и нынче уже сидела бы в чулане, укутанная скорбным красным покрывалом, если бы мать не откладывала сговоренного пира, не тянула со свадьбой – сердце не поворачивалось отдать Ратше единственное дитя!

На руке у Всеславы покачивалась корзинка, а в корзинке, под полотенчиком, тихонько дышали теплом свежие пироги. В женском доме жило несколько старух, которым злая судьба не оставила к закату дней ни избы, ни двора, ни гостеприимной родни. Дом, конечно, совсем им не принадлежал, но молодежь подкармливала бабок, делая вид, будто всякий раз, откупает у них лавки по стенам, пол под ногами и крышу над головой. Беззубые старинушки благодарили, чем могли: учили смешливых озорниц премудрым вышивкам и песням, каких всегда в достатке на памяти у много живших людей. Учили закликать в гости весну, радостно встречать первый хлеб нового урожая и честно провожать смертные сани, увозящие на кладбище-буевище самых любимых...

Всеслава торопилась, но белого коня, поднимавшегося встречь ей, от реки, заметила издалека. Этого атласного, будто скатным жемчугом вышитого жеребца ни с каким другим нельзя было спутать, среди всех выделялся особенной лебединой статью, лютым норовом и могучей красотой... У Всеславы гулко стукнуло сердце, когда подумала, что вот сейчас увидит Ратшу. Разом прокрались в душу радость, неуверенность и томительный страх. Подойдет ведь – и положит широкую руку ей на плечо, и пойдет рядом, укладывая три ее шага в один свой. Наклонится к ушку и станет рассказывать что-нибудь смешное, и она будет слушать его и не слышать, и лишь чувствовать тяжесть его руки на своем плече, и пламенеть брусничным румянцем, и гордиться, и одновременно втайне ждать – да когда ж наконец выплывет из-за деревьев зеленая, в поздних цветах, крыша женской избы!

Смешно и удивительно молвить – отлегло, когда увидела, что не Ратша был с конем.

Какой-то незнакомый парень вел под уздцы Вихоря, не дававшегося, кроме хозяина, никому! Дело невиданное. Ратша всегда сам купал верного товарища, сам чистил его и кормил... И первое, что пронеслось, – заболел ненароком, занемог злым недугом, лихой лихорадкой? Вот еще беспокойство!

Парень был корелом: рубашка, вышитая по груди утиными лапками, пояс с круглой застежкой, мягкие кожаные сапоги с тесемками, завязанными под коленом... Рубашка, как приметил пыливый девичий глаз, была выстирана и опрятно зашита по местам недавних прорех. Злющий Вихорь перебирал крепкими ногами, ластился, ловил мягкими губами его ухо.

Всеслава пригляделась внимательно, и ей показалось, будто она уже видела где-то этого человека. Но сказать наверняка было мудрено: половину лица заливал страшный синяк, правый глаз жалко слезился, не в силах открыться, распухшие черные губы потрескались. Другая сторона лица была скуластая, мальчишеская, в ярких веснушках – ни дать ни взять, ей, Всеславе, ровесник... Но зато руки у карела оказались костистые, шершавые, взрослые. Как хочешь, так и суди. И желторотым не назовешь, и полное мужское имя не совсем еще по плечу!

Любопытной Всеславе крепко захотелось расспросить его, кто таков и почему это Ратша доверил ему коня. Но, подумав, сдержалась: холопа небось нового купил на торгу – и была нужда ей заговаривать с холопом!

Она отвела глаза и уже почти с ним разминулась, когда парень вдруг дерзко взялся за дужку корзины:

– Постой, девица... Ты, что ли, Всеслава будешь, боярская дочь?

Он и вправду оказался корелем: выговора ведь не утаишь, откроешь рот – он тут же и выдаст. Всеслава проворно выдернула у него корзину:

– А тебе дело какое?

Заплывший глаз подрагивал белесой ресницей в узкой щели между бровью и щекой.

– Ты, что ли, Всеслава? – повторил он медленно.

Она осердилась:

– А хотя бы! Дело-то, говорю, какое тебе? Вот людей позову!

Неторопливый карел расстегнул пряжку у горла, сунул руку за ворот, вытащил что-то и перекусил белыми зубами крепкую плетеную жилку:

– Возьми... отец твой наказывал тебе передать.

На ладони у него лежало серебряное колечко. Ждал Пелко – быстрее голодного птенца схватит-склонит его боярская дочь да еще, чего доброго, шустрим бельчонком припустится наутек. Не пришлось бы ловить прежде, чем дело досказывать!

Не угадал, Всеслава сперва отшатнулась, как от огня. Даже руки спрятала за спиной – не поверю такому, не поверю, обман все!.. Потом наклонилась, разглядывая, к его ладони, и Пелко приметил, как отступила вся краска с розовых девичьих щек – побелели, что бере-ста... Сейчас заплачет.

Но тут Всеслава с неожиданной силой ухватила его за руки повыше локтей и попыталась трясти.

– Что с батюшкой моим?! Да говори же!..

– В Туонеле твой отец, – сказал Пелко, неловко высвобождаясь. – Умер от ран, и мы его похоронили. Колечко вот тебе велел передать. Да еще велел, чтобы жена его никак не дозналась. Она, говорил, все сердцем скорбела, так пусть, мол, лучше уж ждет. Ты-то не проболтайся смотри, боярская дочь.

Всеслава забрала у него серебряный ободок. Подняла на карела словно бы внезапно ослепшие глаза... потом вновь повесила голову, и Пелко близко увидел волосы у нее на затылке.

– Все Расскажи, – потребовала она тихо. И закапали из глаз частые слезы – но без стоны, без всхлипа. «Храбрая девка, – подумал Пелко невольно. – Дочь воина. Прав был боярин: кому знать, если не ей».

А она между тем вдруг ясно припомнила, когда и где видела этого парня: да в полоне же, что Ратша привел! Всплеснула руками и почти прокричала с ужасом и горем:

– А Ратша-то куда смотрел? Или что... он же... и убил батюшку моего?..

Пелко так и вскинулся: Ратша!.. А и было же о чем порассказать, да о таком все, отчего эта девка-невеста замкнулась бы в доме на тридцать три крепких засова и не пустила более жениха не только что в избу – даже во двор! Открыл рот корел, радуясь, что досадит злому врагу... И сыскал в себе силу не чернить Ратшу-оборотня, не порочить безвинно. Не по-охотничьи вышло бы. Не по-мужски. Еще вроде даже и заступился за него перед Всеславой, сказав так:

– Ратша отца твоего не признал... Тот в повязках лежал, в голову раненный. Ратша его велел похоронить честно... Сам ему рубаху поправил, меч бесскверный принес и каши котелок... Всех нас спрашивал, кто таков, да ни от кого не добился.

Всеслава вытирала глаза, унимая непослушно катившиеся слезы. Стыд плакать дочери храбреца: пусть голосит узнавшая, что отец любимый струсил в бою.

– Сам ты чей?.. – спросила она наконец. – Ты корел ведь?

Он ответил, смутившись:

– Мою мать зовут Огой, отца – Антеро, а меня – Пелко... Мы, ингрикот, в Невском Устье рыбу ловим...

Всеслава выговорила твердо:

– Как же мне тебя наградить? Пирожка хоть возьми...

У голодного Пелко давно уже урчало в животе от хорошего запаха. Но от отказался – не годилось обедать сырых старух. Потом повел лопатками под рубахой и вдруг улыбнулся здоровой половиной лица:

– Мне... позволишь если... в баньке попариться бы!..

Белый конь Вихорь первым заметил показавшегося Ратшу. Выдернул повод у Пелко из рук, звонко заржал и пустился к хозяину.

Ратша обнял любимца за крутую теплую шею, быстро и внимательно оглядел – чисто ли выкупан, так ли расчесаны-убраны грива да хвост... Придаться было не к чему, стоило лишь удивиться, сколь быстро приручил мальчишка хитрого зверя. Ратша намотал повод на руку и пошел к тем двоим, ведя жеребца.

– И ты здесь, рыбка-щучка веселая? – обратился он к Пелко. – Все волком глядишь, а в лес не убегаешь!

Пелко и впрямь смотрел исподлобья, как ошетилившийся бирюк. Назвать ижорского парня рыбкой-щучкой значило от души его похвалить, и Ратша, может, вправду был им доволен за Вихоря, – но в устах врага и похвала делается ядовитой. Пелко выговорил сквозь зубы:

– Я-то, может, и щучка! Да ты мне не ловец!

Длинный нож висел у него на поясе в узорчатых ножнах – этот охотник сумеет выхватить его вмиг. Ратша перестал улыбаться, сощурился:

– Вот как...

Он был оружен – при мече, но наверняка обошелся бы плеткой. Или вовсе кулаком. Пелко привык не теряться на быстрых неВСких порогах, привык загонять длинноногих лосей и одолевая зубастых волков, хватало у него для этого и ловкости, и силы. Но таким, как он, на одного Ратшу следовало выходить впятером. Оба это понимали, и Ратша почувствовал невольное уважение: кусачий щенок не опускал перед ним глаз, хоть и знал, что бит будет нещадно.

Выручила Всеслава. Бесстрашно встала между ними, взяла жениха за руку.

– Отвез бы меня лучше, – сказала она негромко. – Там девки скучают, заждались уже небось.

Воин усмехнулся в усы и не стал отпихивать ее с дороги. Взял за пояс, посадил на коня, спросив мимоходом:

– Что глаза красные? Обидел кто?

– Нет, – отмахнулась Всеслава. – Плач свадебный припоминала. Пелко молча поразила ловкой неправде...

Ратша коснулся ладонью белого крупа Вихоря, вскочил ему на спину охлябь и стиснул коленями, посылая вперед.

Пелко долго провожал их глазами. Вот Ратша обнял Всеславу за плечи, придерживая впереди себя на коне. И наклонился к ней – наверное, опять нашептывал на ушко и касался жесткими усами ее щеки...

И она не отталкивала страшного, не звала на помощь, не умоляла спасти!

Мать качала колыбельку и не ведала, не знала,
для кого качает дочку —
для супруга или волка?
То ли муж ее обнимет,
сам добычливый охотник,
статный, шелковобородый,
молодой хозяин справный,
то ли волк в чащобе встретит,
разорвет шатун свирепый,
приласкает зверь голодный,
ворон косточки похвалит...

Пелко страстно захотелось избавить ее, утешить, оборонить. Или не это наказывал ему боярин при кончине? То-то порадовался бы, пируя за широким столом у хозяина Туони, то-то уж похвалил бы приемного сына...

Пелко еще раз нашел взглядом Вихоря, чей позолоченный закатным солнцем круп мелькал уже далеко. И вдруг обиделся на Всеславу за отца: думал ли умиравший боярин, что дочь его родная станет миловаться-невеститься с Ратшей!..

Пелко круто повернулся и пошагал прочь. Передав колечко, он волен был сбежать, благо запирает его Ратша и не думал. Но тот не охотник, кто бросает товарища в лапах у зверя. А тем более названую сестру.

Но только в баню к ней во двор он не пойдет. Ни за что не пойдет. Хотя, конечно, корелу прожить без бани вовсе не просто. Без жаркого веничка, без душистого пара с облитых квасом раскаленных камней... почти так же тяжело, как без вкусной рыбы и без мягкой сосновой коры!

ГЛАВА ВТОРАЯ

*С виду был тот лук красивым,
но имел негодный норов:
в будни он просил по жертве,
а по праздникам и по две.*

Калевала

Одноглазый плыл вперед и чувствовал, как быстро оставляли его силы. Еще накануне он играючи пересек бы неширокое лесное озерцо, но вчерашнее миновало, не вернешь его. Даже Одноглазым он стал только что, когда заживо сгоравшее дерево, рушась, хлестнуло его по голове сучьями в дымившейся смоле... Теперь голову и глаз невыносимо жгло, так, что хотелось сжаться в комок и заплакать. А в тот первый миг он даже не остановился, даже не умерил отчаянного бега, потому что вздыбленная шерсть уже потрескивала у него на боках, сворачиваясь от жара, и воняла паленым...

Огонь летел вершинами обреченных деревьев, и угли дождем сыпались с них наземь, и птицы, желавшие отсидеться в кустах, сгорали вместе с кустами. Огонь обогнал Одноглазого и первым ворвался в подсохшие у берега тростники – волка встретила стена дыма и пламени, заслонившая последние клочки чистого неба. Она преградила ему путь к спасительной воде, и надо было бы остановиться и подождать, пока выгорят ломкие стебли... Какое там! Гибельный ужас распластал Одноглазого в немыслимом прыжке, бросил его прямо через огонь. Дымные языки опалили брюхо и грудь, и он взвыл, погибая на лету от боли и копоти, наполнившей горло. Но в следующий миг холодная вода расступилась под его телом, он провалился в нее с головой и понял, что раскаленная смерть уже не сумеет его схватить. Вынырнул и отчаянно закашлялся, замолотил лапами, силясь удержаться на плаву... Он, еще недавно умевший пересечь любое озеро с добычей, брошенной на загрибок!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.